

Л. ФИШЕР

Ленин о литературе и искусстве

В 1918 году в России не было автоматических телефонных станций. Закрытая телефонная сеть — так называемый «кремлёвский коммутатор», именуемый в просторечии «вертушкой», — была проведена в 1919 году, чтобы дать возможность двумстам «ответственным товарищам» набирать номера непосредственно, без помощи телефонного оператора. «Вертушка» имелась и у Инессы Арманд, в её квартире на Неглинной, возле ныне снесённой стены Китай-города, по соседству с Кремлем.

В тот год в московском Колонном зале происходила конференция Комсомола. Её делегаты хотели послушать Ленина и послали к нему депутацию — трёх молодых людей и Инессу Арманд, дочь подруги Ленина, «Инессу Маленькую», как называл её Ленин.

У ворот Кремля депутатов, конечно, задержали и отказались пропустить, несмотря на все обычные доводы. Тогда Инесса Маленькая повела своих товарищей домой и позвонила Ленину в кабинет, пользуясь материнской «вертушкой». На звонок ответила секретарша. Понизив голос, Инесса Маленькая сказала, что хочет говорить с Лениным. «Кто говорит?» — спросила секретарша. «Инесса Арманд». Её сейчас же соединили. Уже естественным голосом, который, впрочем, был очень похож на голос её матери, Инесса сказала: «Владимир Ильич, делегаты нашей молодёжной конференции поручили мне с товарищами пригласить вас...» «Кто говорит?» — поинтересовался Ленин. «Инесса Маленькая».

«Маленькая, но хитрая», — воскликнул Ленин. Добродушно поболтав с ней несколько минут, он отклонил приглашение комсомольцев: слишком был занят*.

После смерти матери Ленин взял Инессу Маленькую с сестрой и братом под свою опеку, вспоминает И. А. Арманд в своих мему-

* Литературная газета. 1963. 20 апреля.

арах*, и они часто бывали на квартире у Ленина в Кремле. Однажды вечером, в феврале 1921 года, перед самым началом нэпа, Инесса сидела с Крупской в её комнате, когда вошёл Ленин. «Разговаривая, он, как обычно, быстро ходил по комнате. В этот вечер, помню, он был оживлён и весел, расспрашивал меня, как я живу и работаю. Затем стал спрашивать о моей сестре, Варваре Александровне Арманд, тогда ещё студентке Высших художественно-технических мастерских (Вхутемас). Сестра жила в студенческом общежитии».

«Давай, Надя, поедем навестить Варю и посмотрим, как молодёжь живёт», — предложил Ленин жене.

Было уже 11 часов вечера, но Крупская согласилась. Поехали в автомобиле, с Инессой и телохранителем. Общежитие помещалось на Мясницкой (ныне улица Кирова), напротив главного почтамта. Встретили их восторженно: «отовсюду сбегались студенты». «Стали осматривать комнаты. Ленин даже пощупал кровати, вернее жёсткие деревянные топчаны, которые служили кроватями. Мебели в квартире почти никакой не было, зато стены украшали лозунги, рисунки, стенгазета. Владимир Ильич обратил внимание на рисунок паровоза с какими-то особыми «динамическими» линиями. Автор рисунка стал уверять, что так надо красить настоящие паровозы; из его слов можно было заключить, что такая раскраска отразится на скорости движения. Ленина очень рассмешило это заявление. Затем В. И. обратил внимание на висевший на стене лозунг, взятый из стихов Маяковского:

Шарахаем в небо железобетон!

Ленин, смеясь, запротестовал: «Зачем же в небо шаряхать? Железобетон нам на земле нужен».

«...Затем речь зашла о поэзии Маяковского вообще. Владимиру Ильичу явно нравилось, с каким увлечением молодёжь говорила о своём любимом поэте, о революционности его стихов. Однако и по вопросам поэзии завязался горячий спор, так как выяснилось, что среди молодёжи много поклонников футуризма и в этой области искусства. Наконец, устав спорить, Ленин шутливо заявил, что он специально займётся вопросом о футуризме в живописи и поэзии, подчитает литературу по этому вопросу, а затем приедет ещё раз и тогда обязательно их всех переспорит».

«Владимир Ильич стал расспрашивать молодёжь, знает ли она классическую русскую литературу. Выяснилось, что знают её довольно плохо, а многие огульно отвергают как “старорежимное

* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 3-х т. Т. 3. М.: Полит. лит., 1960. С. 327–330.

наследие”. Ленин стал возражать. Он рассказал, как сам он любил Пушкина и ценит Некрасова. “Ведь на Некрасове целое поколение революционеров училось”, — сказал Владимир Ильич.

Высокий гость осведомился также о материальных нуждах студентов. «Он стал спрашивать о питании студентов, хватает ли им пайка. “Все хорошо, Владимир Ильич, — раздался дружный ответ. — Самое большое на четыре дня в месяц хлеба не хватает”. Такое заявление очень позабавило Ленина», — пишет Инесса.

«Однако пора было уходить, время было позднее; провозжать Владимира Ильича и Надежду Константиновну не стали, чтобы они могли уехать незаметно. Ведь время было тревожное».

Впоследствии Инесса слышала от Крупской, что Ленин, встретив наркома просвещения Луначарского, сказал ему с упрёком: «Хорошая, очень хорошая у вас молодёжь, но чему вы её учите!»

Неизвестно, бывал ли Ленин в Лувре, или в лондонской Национальной галерее, или в каких бы то ни было музеях изящных искусств в Париже, Лондоне, Цюрихе, Мюнхене, Берлине или, если на то пошло, в Москве и в Петербурге. На выставках он не бывал, в концерты ходил редко. Но он был человек твёрдых и раз навсегда установленных правил в этой области, футуристическая живопись и поэзия ему не нравились. Модернистов он не любил. Он создал новый режим, но сам был продуктом старого режима, с его гениальной литературой, музыкой, наукой, его униженным абсолютизмом и резкими социальными контрастами, породившими марксистскую революцию. Он был рабом и возвышенного, и низменного в наследии старой России, он был прикован к ней и поворачивался к будущему спиной.

Ленин любил ясность. «Я имею смелость заявить себя “варваром”, — сказал он Кларе Цеткин. — Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих “измов” высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости»*. Наследники Ленина остались верны своему учителю. Ленин знал, сколько вреда причинила искусству и литературе царская цензура, уродовавшая многие из величайших произведений литературы XIX века. Некоторые литературные произведения, в том числе ряд книг Толстого, печатались за границей, потому что самодержавие боялось свободного мнения. «Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры мода и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии, — говорил Ленин Кларе Цеткин (о ли-

* *Zetkin Clara. Leben und Lehren einer Revolutionarin. Berlin, 1949. S. 52–54.*

тературе он не упомянул). — В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнёта этих весьма прозаических условий. Она превратила Советское государство в их защитника и заказчика. Каждый художник, всякий, кто себя таковым считает, имеет право творить свободно, согласно своему идеалу, независимо ни от чего. Хаотическое брожение, лихорадочные искания новых лозунгов... — все это неизбежно».

«Но, понятно, — многозначительно прибавил Ленин, — мы — коммунисты. Мы не должны стоять сложа руки и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты».

Вот советское правительство и «руководит» искусствами — по старому капиталистическому принципу: «кто платит музыканту, тот и заказывает музыку».

Ленин провозгласил принцип, которым должны руководствоваться руководители: «Искусство принадлежит народу, — сказал он Кларе Цеткин. — Оно должно уходить своими *глубочайшими* корнями в самую *толщу широких* трудящихся масс». (Стиль последнего предложения характерен для руководителей русской литературы.) «Оно должно быть понятно этим массам и любимыми ими». Если сам Ленин не понимал современного искусства, то куда уж массам соваться? «Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие утончённые бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе. Я понимаю это, само собой разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально: мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также к области искусства и культуры».

Предписывалось привести искусство и литературу к наименьшему общему знаменателю.

Россия — огромная и нищая страна, объяснял Ленин. «В то время как сегодня в Москве, допустим, десять тысяч человек придут в восторг, наслаждаясь блестящим спектаклем в театре, — миллионы людей стремятся к тому, чтобы научиться по складам писать своё имя и считать, стремятся приобщиться к культуре, которая обучала бы их тому, что земля шарообразна, а не плоская и что миром управляют законы природы, а не ведьмы и не колдуны совместно с «отцом небесным»».

“Товарищ Ленин, — заметила Клара Цеткин, — не следует так горько жаловаться на безграмотность. В некотором отношении она вам облегчила дело революции”.

“Да, это верно, — согласился Ленин. — Однако только в известных пределах или, вернее сказать, для определенного периода нашей борьбы... Безграмотность плохо уживается, совершенно не уживается с задачей восстановления”».

Задачу Ленина в 1917 году и в самом деле облегчила экономическая отсталость России и темнота простого народа. Интеллигенции Ленин не доверял, а футуристов не терпел за то, что они в своих экспериментах руководствуются тем, что им подсказывает талант и темперамент, а не тем, что им приказывает партия. Сомнения, независимое мышление, неприятие ортодоксальных канонов, — все это было нежелательно, поскольку новой ортодоксией была и сама Советская власть. Ленин был революционером, а не мятежником. Ему нужны были новые учреждения и новая экономическая система, но новый человек ему был ни к чему. Он не верил, что человек может изменить сам себя. Для этого потребовалась бы свобода.

Хотя именно Ленин посеял драконовы зубы, позже взошедшие на пустыре советской культуры, сам был на деле менее опасен, чем на словах, и уж, конечно, был куда мягче своих преемников. К счастью, искусством и литературой Ленин просто не занимался, и росли они почти без призора, как нелюбимые приёмышы. Наркомпрос Луначарский в 1924 году писал: «У Ленина было очень мало времени в течение его жизни сколько-нибудь пристально заняться искусством, и так как ему всегда был чужд и ненавистен дилетантизм, то он не любил высказываться об искусстве. Тем не менее вкусы его были очень определены. Он любил русских классиков, любил реализм в литературе, в театре, в живописи и т. д.»*. Один раз, рассказывает Луначарский, он с Лениным и Каменевым поехал на выставку проектов памятников «на предмет замены фигуры Александра Третьего, свергнутой с роскошного постамента около храма Христа-Спасителя». «Когда Ленина спросили об его мнении, он сказал: “Я тут ничего не понимаю, спросите Луначарского”. На моё заявление, что я не вижу ни одного достойного памятника, он очень обрадовался и сказал мне: “А я думал, что вы поставите какое-нибудь футуристическое чучело”. Другой раз, осмотрев “вместе с Луначарским модель памятника Марксу и “несколько раз обойдя его вокруг”, Ленин “одобрил его, сказав, однако: — Анатолий Васильевич, особенно скажите художнику, чтобы волосы вышли похожими... а то как будто сходства мало”».

Луначарский рассказывает, что, по личному настоянию Ленина, был сокращён бюджет Большого театра. «Это кусок чисто по-

* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1957. С. 322–326.

мещицъей культуры», — объявил Ленин. «Из этого не следует, что Владимир Ильич к культуре прошлого был вообще враждебен, — поясняет нарком просвещения. — Специфически помещицъим казался ему весь придворно-помпезный тон оперы». С другой стороны, Ленин неоднократно подчёркивал значение кинематографа как орудия массовой пропаганды и политпросвещения.

В Троцком была артистическая жилка, поэтому у него было меньше шансов уцелеть в людоедских джунглях советской политики. Искусство для него означало жизнь. Ленин же интересовался искусством только с политической точки зрения. Он мог совладать со своей инстинктивной неприязнью ко «всему новому и оригинальному в литературе и в искусстве. Но ему казалось, что “радикалы” от искусства могут заразить своей идеологией политику. Еще до октябрьского переворота был организован так называемый Пролеткульт, задачей которого было воспитание деятелей новой, пролетарской культуры. После революции в Пролеткульте сотрудничали такие далёкие от марксизма авторы, как Андрей Белый, Евгений Замятин, Николай Гумилёв и Валерий Брюсов. Пролеткульт организовывал кружки и студии среди рабочих, студентов, матросов и солдат. Участники Пролеткульта, независимо от своего отношения к революции, пользовались ею, чтобы популяризовать свои художественные и культурно-общественные идеи. Ленин, как вспоминает Луначарский, опасался, что пролеткультовцы «такими скороспелыми выдумками рабочих отгородят от учёбы, от восприятия элементов уже готовой науки и культуры...» «Побаивался Владимир Ильич, не без основания, по-видимому, и того, чтобы в Пролеткульте не свил себе гнезда какой-нибудь политический уклон». В августе 1920 года он направил запрос к заместителю наркома просвещения профессору М. Н. Покровскому относительно юридического положения Пролеткульта, а также: «каков и кем назначен его руководящий центр? и сколько даёт ему финансов от НКПроса?» Покровский ответил, что Пролеткульт «является автономной организацией, работающей под контролем Наркомпроса и субсидируемой последним». Улучив свободный часок, Ленин набросал проект резолюции о пролетарской культуре, в которой Пролеткульту предписывалось распространять «не особые идеи, а марксизм»*. Советской России нужна, писал он, «не выдумка новой пролеткультуры, а развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры».

* Ленинский сборник. Т. XXXV. М.: Гос. изд. полит. лит., 1945. С. 148.

На заседании Политбюро 11 октября 1920 года выяснились разногласия между Бухариным и Лениным по вопросу о Пролеткульте*. Бухарину предлагалось выступить на съезде Пролеткульта, происходившем в то время в Москве. Ленин послал Бухарину записку, предлагая не касаться разногласий: «От имени *всего ЦК* достаточно заявить (и доказать):

1) пролетарская культура = коммунизм

2) проводит РКП

3) класс — пролетариат = РКП = Советская власть. В этом мы все согласны?»

Ленин намекал на то, что, поскольку нет ещё коммунизма, невозможно говорить и о пролетарской культуре. Политические решения — прерогатива партии, а не «автономных организаций». Ленин был против независимости профсоюзов в управлении промышленностью. Он не мог дать согласие на то, чтобы вне партии существовала независимая просветительная организация, и считал автономию Пролеткульта просто попыткой избежать партийного контроля, тем более что вдохновителем Пролеткульта был махист Богданов, с которым Ленин не раз скрещивал шпаги ещё до революции. Футуристов и символистов Ленин, конечно, отождествлял с махистами и противопоставлял им реалистов, материалистов, марксистов. «*На деле* — писал Ленин ещё в марте 1910 года, — именно *борьбу с марксизмом* прикрывают все фразы о “пролетарской культуре”». А ведь наркомом просвещения был Луначарский, приятель Богданова, со старыми махистскими грешками, и именно его заботам был поручен Пролеткульт. Луначарского Ленин считал эстетом, мягкотелым любителем искусства, покровителем модернистов. «Класс — пролетариат = РКП = Советская власть. В этом мы все согласны», — писал Ленин Бухарину**. Вот и вся сущность ленинизма в одном предложении.

Луначарский тоже получил особое задание. «Владимир Ильич во время съезда Пролеткульта в октябре 1920 года поручил мне, — пишет Луначарский, — поехать туда и определенно указать, что Пролеткульт должен находиться под руководством Наркомпроса и рассматривать себя как его учреждение и т. д. Словом, Владимир Ильич хотел, чтобы мы подтянули Пролеткульт к государству; в то же время им принимались меры, чтобы подтянуть его и к партии». «Речь, которую я сказал на съезде, — жалуется Луначарский, — я редактировал довольно уклончиво и примири-

* В. И. Ленин о литературе и искусстве. М.: Гослитиздат, 1960. Примеч. на с. 747.

** Ленинский сборник. Т. 36. М.: Гос. изд. полит. лит., 1959. С. 132.

тельно, Владимиру Ильичу передали эту речь в ещё более мягкой редакции. Он позвал меня к себе и разнёс. Позднее Пролеткульт был перестроен согласно указаниям Владимира Ильича».

Но на самом деле Луначарский и Бухарин продолжали тайком от Ленина поддерживать Пролеткульт. Ещё 27 сентября 1922 года в «Правде», которую тогда редактировал Бухарин, появилась длинная статья В. Плетнева о пролетарской культуре. Ленин два раза написал на этом номере «Правды» «Сохранить» и подчеркнул это распоряжение четыре раза, а на полях оставил много пометок. Но, вместо того чтобы сохранить статью, он отослал ее Бухарину с запиской: «Посылаю Вам сегодняшнюю «Правду». Ну, зачем печатать глупости?.. Отметил 2 глупости и поставил ряд знаков вопроса. Учиться надо автору не «пролетарской» науке, а просто учиться. Неужели редакция «Правды», не разъяснит автору его ошибки? Ведь это же *фальсификация* исторического материализма! Игра в исторический материализм! Ваш Ленин»*.

Слова Плетнева о том, что «творчество новой пролетарской классовой культуры — основная цель Пролеткульта», Ленин подчеркнул и написал рядом с ними на полях: «Ха-ха!» Там, где у Плетнева говорится, что пролетарская культура — дело самого пролетариата, а не «пришельцев из буржуазного лагеря», Ленин спрашивает: «и (а) крестьяне?» «Чувство классовой солидарности, — гордо провозглашает Плетнев, — чувство «мы» воспитывается как тем, что «мы» построим паровоз, океанский пароход, аэроплан (без коллективных усилий эта задача неразрешима), так и тем, что в борьбе с буржуазией каждый пролетарий связан единством социального неравенства своего класса с другими классами и чётким сознанием того, что паровоз революции может быть построен только силами «мы», силами классового единства. Этим бытием определяется классовое сознание пролетариата. Оно чуждо крестьянину, буржуа, интеллигенту; врачу, юристу, инженеру, воспитанным на принципах капиталистической конкуренции, где «я» есть основа, а *divide et impera* — заповедь главенства. В этом абзаце Ленин подчеркнул дважды слово «крестьянин» и единожды — слова «буржуа, интеллигент», а на полях скептически заметил: «А % строящих паровозы?» Рабочих в России было сравнительно мало, одним рабочим задачи строительства были не под силу. Плетнёвский «паровоз революции» сразу потерял свое поэтическое звучание. Крестьянин, писал далее Плетнев, зависит от природы, «всегда чувствует над собой

* Ленин В. И. Собр. соч. 4-е изд. Т. 35. М.: Гос. изд. полит. лит., 1950. С. 475.

от него независимую грозную силу, основу религиозных предрассудков», а пролетарий знает, что плоды его трудов зависят лишь от его собственных усилий на заводе и в шахте, «а в субботу будет получка». «Здесь все ясно и математически точно». Ленин подчеркнул последнюю фразу и написал на полях: «А религия рабочих и крестьян?» Не только крестьяне веровали в Бога.

«Задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата, учёными, художниками, инженерами и т. п., вышедшими из его среды», — пишет Плетнев. Ленин: «Архификция». Плетнев замечает: «Ну, а много ли у нас людей, способных преподавать электрификацию?» «Вот именно, — ухватывается за эти слова Ленин. — Это против В. Плетнева», утверждавшего, что пролетариат будет строить паровозы, океанские пароходы, аэропланы*.

Плетнев не только писал ерунду, он опровергал собственные доводы. Сначала, пользуясь марксистско-ленинскими методами анализа, он доказывал, что, поскольку классовая принадлежность (т. е. бытие) определяет идеи, чувства, религиозно-философские представления, искусство и культуру (т. е. сознание), то, следовательно, если крестьяне и буржуазные специалисты строят паровозы, аэропланы и заводы, производят товары и торгуют ими, то они участвуют в создании советской культуры, которая, в силу этого, не может считаться пролетарской. Ленин поддержал этот довод, указывая, что большая часть хозяйства страны держится на крестьянстве и на буржуазных специалистах и что в рабочей среде религиозные предрассудки не менее цепки, чем в крестьянской. Таким образом, Плетнев, выступая от имени Пролеткульта, доказал, что пролетарская культура не может родиться в России эпохи нэпа. В то же время он совершенно непоследовательно заключил, что «творчество новой пролетарской классовой культуры — основная цель Пролеткульта». Ленин с полным правом высмеял это заключение, ибо как могла какая бы то ни было организация, даже такая могущественная, как коммунистическая партия, не говоря уже о маленьком «независимом» Пролеткульте, создать пролетарскую культуру в по-преимуществу непролетарской стране? С тем же основанием можно было бы говорить о создании пролетарской культуры в капиталистической Америке или христианской культуры в индуистской Индии. Ошибка Пролеткульта была старой ошибкой махистов, предполагавших, что сознание предшествует классовому и экономическому бытию. Это, конечно, находилось в полном противоречии с принципами

* Ленин о литературе и искусстве. С. 567–579.

исторического материализма, согласно которым экономический базис определяет политическую и культурную надстройку. Недаром Ленин рассвирепел, увидев, как Плетнев «играет» в исторический материализм.

Доказав, что пролетарская культура невозможна в России *на-па*, Пролеткульт доказал свою ненужность. В 1923 году он был упразднён.

Ещё в 1905 году Ленин решил, что писатели должны ориентироваться не на пролетариат, а на партию пролетариата. Он провозгласил партийность литературы и искусства первой заповедью социалистической культуры. «Долой литераторов беспартийных! — восклицал он в статье «Партийная организация и партийная литература», напечатанной в легальной большевистской ежедневной газете «Новая жизнь», выходившей в Петербурге на средства Горького. — Долой литераторов сверхчеловеков!.. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединённой, социал-демократической партийной работы». Ленин знал, что это утверждение покажется «буржуазии и буржуазной демократии» «чуждым и странным», но настаивал на своих положениях: «литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанным с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации».

Обращаясь к буржуазии, Ленин продолжал: «Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идёт о партийной литературе и её подчинении партийному контролю. Каждый волен говорить и писать все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная»*. «Беспартийность есть идея буржуазная, — утверждал Ленин. — Партийность есть идея социалистическая... материализм включает в себя, так сказать, партийность».

Через 12 лет после того, как были написаны эти слова, партия Ленина пришла к власти и потребовала от советской литературы и искусства партийности — службы государству, революции, коммунизму.

Искусство Ленин считал не богиней, а служанкой. Горький приводит совет, данный Лениным Богданову на Капри, во время

* Ленин В. И. Собр. соч. 2-е изд. Т. 8. М.; Л.: Гос. изд., 1929. С. 386–390.

беседы об утопическом романе: «Вот вы бы написали для рабочих роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, дерево, весь уголь. Это была бы очень полезная книга, синьор махист!»*

Несколько лет спустя, уже будучи обитателем Кремля, Ленин «усиленно и неоднократно подчёркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного, но иногда говорил: — Грубоват. Идёт за читателем, а надо быть немножко впереди»**. Демьян Бедный, довольно бойкий рифмоплет, с примерной партийностью сочинял хромые стишки на темы текущего дня.

С другой стороны, по свидетельству того же Горького, к Маяковскому Ленин «относился недоверчиво и даже раздражённо». Маяковский был индивидуалистом, «сверхчеловеком», по выражению Ленина: «Кричит, выдумывает какие-то кривые слова, и все у него не то, по-моему, — не то и мало понятно. Рассыпано все, трудно читать. Талантлив? Даже очень? Гм-гм, посмотрим! А вы не находите, что стихов пишут очень много? И в журналах целые страницы стихов, и сборники выходят почти каждый день». Демьян Бедный был, конечно, Ленину куда ближе и понятнее, а наследники Ленина тоже не раз находили, что «стихов пишут очень много», и принимали соответствующие меры, дабы поэты не соблазнили малых сих.

«Новое искусство казалось Ильичу чужим, непонятым, — вспоминает Крупская. — Однажды нас позвали в Кремле на концерт, устроенный для красноармейцев. Ильича провели в первые ряды. Артистка Гзовская декламировала Маяковского: «Наш бог — бег, сердце — наш барабан» и наступала прямо на Ильича, а он сидел, немного растерянный от неожиданности, недоумевающий, и облегчённо вздохнул, когда Гзовскую сменил какой-то артист, читавший «Злоумышленника» Чехова». Революционная поэзия явно шокировала тихоню «Ильича».

Особенно возненавидел Ленин поэму Маяковского «150 000 000». «Как не стыдно, — писал он 6 мая 1921 года Луначарскому, — голосовать за издание “150 000 000” Маяковского в 5000 экз.? Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность. По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудаков. А Луначарского сечь за футуризм. Ленин». Луначарский вяло отвечал, что ему де и самому «эта вещь не очень-то нравится, но 1). такой поэт, как Брюсов, восхищался и требовал напечатания 20 000; 2) при чтении самим автором вещь имела явный

* Горький М. В. И. Ленин. М.: Гос. изд. худож. лит., 1931.

** Там же.

успех, притом и у рабочих». Неудовлетворенный, Ленин обратился к Покровскому: «Паки и паки прошу Вас помочь в борьбе с футуризмом и т. п. 1) Луначарский провёл в коллегии (увы!) печатание «150 000 000» Маяковского. Нельзя ли это пресечь! Надо это пресечь. Условимся, чтобы не больше 2-х раз в год печатать этих футуристов и не более 1500 экз. 2) Киселиса [Петра Юрьевича], который, говорят, художник-«реалист», Луначарский-де опять выжил, проводя-де футуриста и прямо и косвенно. Нельзя ли найти надёжных анти-футуристов. Ленин». (В «Правде» от 16 декабря 1962 года слова Ленина об анти-футуристах цитирует член-корреспондент Академии художеств СССР Евгений Кацман, обращаясь к Н. С. Хрущёву с просьбой пресечь зловредные происки представителей «абстрактного, формалистического искусства».)

Бурное негодование Ленина, впрочем, было довольно беззлобным по сравнению с теми методами физического уничтожения и варварского преследования писателей и художников, которые применялись в последующие десятилетия советской истории. Но применением политического давления Ленин расчистил путь сторонникам этих методов.

Почти все литературные критерии Ленина были, по крайней мере, отчасти политическими. Пушкина он уважал как классика, но, в первую очередь, за конфликты с властями и за сочувствие декабристам. Некрасова любил и нередко цитировал, как и других шестидесятников. Фета не терпел. Крупская возмущённо пишет: «Для отдыха брал Струве читать Фета. Кто-то в воспоминаниях своих писал, что Владимир Ильич любил Фета. Это неверно. Фет — махровый крепостник, у которого не за что зацепиться даже, но вот Струве действительно любил Фета». (Составители сборника «Ленин о литературе и искусстве» не приводят мнения Ленина о Фете, что делает честь их вкусу и чувству такта.) Ян Берзин, латышский коммунист и советский дипломат, в 1919–1920 гг. служивший секретарём исполкома Коминтерна, вспоминает, как, когда они жили в 1906 году с Лениным на даче в Финляндии, Ленин, зайдя к нему в комнату «увидел на столе новейшие стихи Бальмонта или Блока: «Как, и вы увлекаетесь этой белибердой! Это же декадентщина. Что вы в ней находите?» Смущённый Берзин стал возражать и показывать стихи. Ленин заглянул в книгу: «Гм, звучит неплохо, плавно написано, но смысла в этом все-таки мало».

В сибирской ссылке, вспоминает Крупская, «по вечерам Владимир Ильич обычно читал книжки по философии — Гегеля, Канта, французских материалистов» (почитывал и Шопенгауэра), «а когда особенно устанет — Пушкина, Лермонтова, Некрасова». Сосланный на Кавказ, Лермонтов писал:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

«Помнится, в Сибири был также “Фауст” Гёте на немецком языке» (позже, в Париже, Ленин его читал по-русски) «и томик стихов Гейне», быть может, тот самый, что накануне казни принесла мать Александру Ульянову. Из списка книг, сделанного на границе жандармом, видно, что в эмиграцию Ленин увёз с собой из художественной литературы только две книги: стихотворения Некрасова и «Фауст» Гёте. Остальные книги были по экономике. (Жандармский список был обнаружен в 1917 году в бумагах охранного отделения.) В Париже, пишет Крупская, «Ильич охотно читал стихи Виктора Гюго “Chatiments”, посвящённые революции 48 года... В этих стихах много какой-то наивной напыщенности, но чувствуется в них все же веяние революции. Охотно ходил Ильич в разные кафе и пригородные театры слушать революционных шансонетчиков, певших в рабочих кварталах...» Таким образом, Ленин «осуществлял контакт» с французским пролетариатом, о котором вообще не знал почти ничего (в декабре 1909 года, в письме к свекрови, Крупская жаловалась, что они очень мало видят «настоящей здешней жизни»!).

Что же касается вкусов Ленина в области художественной прозы, то Крупская определяет их довольно точно: «Владимир Ильич при выборе книг по беллетристике особенно любил те книги, в которых ярко отражались в художественном произведении те или иные общественные идеи».

Как-то Ленин просил у библиотекаря роман Джордж Элиот. Какой именно роман, неизвестно. Джордж Элиот (Мариан Ивенс, 1819–1880) в своё время перевела на английский язык «Сущность христианства» Фейербаха, предшественника Маркса. Профессор английской литературы Рут Адаме предполагает, что Ленин мог заинтересовать ее роман «Феликс Холт, радикал». Особенно лестных отзывов Ленина удостоился роман Анри Барбюса «Огонь», с его злободневно-антивоенной окопно-вшивой тематикой. В 1908 году Ленин побывал на лекции некоего мистера Моббса о Шекспире в Женевском университете. В 1912, в Париже, Ленин и Крупская пошли на представление «Электры» Софокла. В Сибири Ленин получил от матери несколько романов Золя на немецком языке, и фотография Золя была у него наклеена в альбоме, где он хранил разные сувениры и портреты любимых писателей. Позже он читал в оригинале «La Joie de Vivre» Золя и использовал найденное там натуралистическое описание родов как проповедь

на революционную тему: «Рождение человека связано с таким актом, который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумёртвый кусок мяса. Но согласился ли бы кто-нибудь назвать человеком такого “индивида”, который видел бы *только* это в любви, в ее последствиях, в превращении женщины в мать? Кто на *этом* основании зарекался бы от любви и от деторождения?» Так и с революцией, писал Ленин, и только трусы боятся тяжёлых родов.

Несмотря на широкое образование и знание европейских языков, в том числе и итальянского, Ленин мало читал иностранную литературу. Чтение ради удовольствия, чтение как культурный процесс, было ему чуждо, читал он исключительно с утилитарными соображениями. Он заполнял целые тетради цитатами из Клаузевица на военно-политические темы, но, по-видимому, и в руки не брал Токвиля, Монтескье, Берка, Джефферсона, Мэдисона и Джея. Искусством Ленин не интересовался вовсе, считая его бесполезным в борьбе пролетариата за власть. Н. Л. Мещеряков старый большевик и старый знакомый Ленина, позже редактировавший «Большую Советскую Энциклопедию», вспоминает, как в Льеже Плеханов спрашивал его о какой-то знаменитой картине, а в Брюсселе таскал за собою по картинным галереям, «которых он был большой любитель». Но Ленин, — «Ленин этим не интересовался. Он был всецело поглощён рабочим движением»*. Трудно себе представить, чтобы Ленин когда-нибудь сказал об искусстве что-нибудь подобное тому, что писал Троцкий в своей книге «Литература и революция», а именно, что развитие искусства есть высочайшая проба жизненности и значения каждой эпохи и что не всегда можно руководствоваться марксистскими принципами в оценке произведений искусства. Зато Ленин согласился бы со словами Троцкого о том, что «культура питается соком экономики».

Театр Ленин находил чересчур театральным. Луначарский свидетельствует, что ходил он в театр редко, и притом только в Художественный, который ценил весьма высоко. «Мы редко ходили в театр, — вспоминает Крупская о временах эмиграции. — Пойдём, бывало, но ничтожность пьесы или фальшь игры всегда резко били по нервам Владимира Ильича. Обычно, пойдём в театр и после первого действия уходим. Над нами смеялись товарищи, — зря деньги переводим. Но раз Ильич досидел до конца; это было, кажется, в конце 1915 г.; в Берне ставили пьесу Л. Толстого “Живой труп”... Ильич напряженно и взволнованно следил за игрой».

* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 221.

«И, наконец, в России... Ходили мы несколько раз в Художественный театр. Раз ходили смотреть “Потопа” (Г. Бергера). Ильичу ужасно понравилось. Захотел идти на другой же день опять в театр. Шло Горького «На дне»... Излишняя театральность постановки раздражала Ильича. После «На дне» он надолго бросил ходить в театр. Ходили мы с ним как-то ещё на «Дядю Ваню» Чехова. Ему понравилось. И, наконец, последний раз ходили в театр уже в 1922 г. смотреть «Сверчка на печи» Диккенса. Уже после первого действия Ильич заскучал, стала бить по нервам мешчанская сентиментальность Диккенса, а когда начался разговор старого игрушечника с его слепой дочерью, не выдержал Ильич, ушёл с середины действия».

«На дне» Горького раздражало Ленина, вероятно, по той же причине, по которой раздражал его «архискверный» Достоевский, имя которого во всех трудах Ленина встречается лишь пять раз (из них четыре раза оно упоминается в тоне величайшего пренебрежения). Достоевского коммунисты вообще считают религиозным и реакционным мистиком и нигилистом, но похлопывают его по плечу за неприязнь к гнилому Западу.

Зато Чехова Ленин любил. «Палата № 6», которую он прочёл в 1890 году в Самаре, произвела на него большое впечатление. «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, — сказал он А. И. Ульяновой, — мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6». Читал Ленин и другие рассказы Чехова и помнил его персонажей. Пьесы Чехова тоже нравились ему. Горький как-то привёл его на театральный вечер в Колонном зале Дома Союзов. Участвовавший в вечере Василий Качалов вспоминает: «В артистической комнате оживление: Владимир Ильич с Горьким. Алексей Максимович поворачивается ко мне и говорит: “Вот спорю с Владимиром Ильичем по поводу новой театральной публики... что ей нужно? Я говорю, что ей нужна только героика. А вот Владимир Ильич утверждает, что нужна и лирика, нужен Чехов, нужна житейская правда”. В это время закончился перерыв, и Владимир Ильич с Горьким пошли в зал»*.

Ссылный Ленин просил мать в 1898 году выписать ему «Ниву» ради приложения — полного собрания сочинений Тургенева в 12 томах. Получив его, он попросил А. И. Ульянову прислать немецкие издания Тургенева, чтобы, сравнивая параллельные тексты, изучать немецкий язык. Тургенева он перечитывал не раз, вспоминает Крупская, хотя и ругал за либерализм и верноподдан-

* В. И. Ленин о литературе и искусстве. С. 688.

нические чувства, а одним тургеневским образом, в вольной обработке Н. Г. Чернышевского, воспользовался в 1907 году: «...Трагедия русского радикала: он десятки лет вздыхал о митингах, о свободе, пылал бешеной (на словах) страстью к свободе, — попал на митинг, увидел, что настроение левее, чем его собственное, и загрустил: «трудно судить», «не более $1/10$ », «поосторожнее бы надо, господа!» Совсем как пылкий тургеневский герой, сбежавший от Аси, — про которого Чернышевский писал: «Русский человек на rendez-vous».

«Эх, вы, зовущие себя сторонниками трудящейся массы! Куда уж вам уходить на rendez-vous с революцией, — сидите-ка дома...»*.

«Анну Каренину» Ленин перечитывал несколько раз и знал, конечно, «Войну и мир» и другие книги Толстого. Горький вспоминает: «Как-то пришёл к нему и — вижу: на столе лежит том “Войны и мира”».

— Да, Толстой! Захотелось прочесть сцену охоты, да вот вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матёрый человечище! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что ещё изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было**.

Вообще Ленин упоминал великих писателей и поэтов России лишь мельком, иногда цитируя их, чтобы подчеркнуть или проиллюстрировать политический довод. Только о Толстом он писал подробно, и не потому, что Толстой был великим писателем, а потому, что он был величайшей личностью России его времени, потому что он сыграл выдающуюся роль в ниспровержении российской монархии.

28 августа 1908 года, когда вся Россия и тысячи последователей и читателей за рубежом праздновали восьмидесятилетие писателя, Ленин воспользовался этим поводом, чтобы подвергнуть творчество Толстого марксистскому анализу в статье, озаглавленной: «Лев Толстой, как зеркало русской резолюции»***.

«...Если перед нами действительно великий художник, — писал Ленин в начале статьи, — то некоторые хотя бы из существующих сторон революции он должен был отразить в своих произ-

* Там же. С. 235.

** Там же. С. 641.

*** Ленин В. И. Собр. соч. 2-е изд. Т. 12. М.; Л.: Гос. изд., 1929. С. 331–335.

ведениях». «Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил её. Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двоякого рода: казённым и либеральным. Первое есть грубое лицемерие продажных писак, которым вчера было велено травить Л. Толстого, а сегодня — отыскивать в нем патриотизм и постараться соблюсти приличия перед Европой... Гораздо более утончённо и потому гораздо более вредно лицемерие либеральное... На деле, рассчитанная декламация и напыщенные фразы о “великом богоискателе” — одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует». Покончив с юбилеем, Ленин переходит к «кричащим противоречиям в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого»:

«С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками», С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, юродивая проповедь «непротивления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срыванье всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казённой должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утончённой и потому особенно омерзительной поповщины»*.

Толстой пытался и в жизни следовать своим высоким принципам, Ленин из прекрасного и безопасного европейского далека призывал Россию к насильственной революции, но принимал

* Там же. С. 332–333.

от матери золотые рублики, источником которых была царская пенсия и доходы с поместья дедушки Бланка. Кричащие, так сказать, противоречия. Ленин был несправедлив, когда обвинял Толстого в новой «поповщине». Толстой был врагом организованной религии и, вообще, всех и всяческих организаций. Он был прямой противоположностью профессионального организатора Ленина. Он был анархистом, врагом церкви, государства, насилия и, конечно, оставался Ленину «омерзительно» непонятым.

«...Противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, — продолжает Ленин, употребляя здесь фРазУ, давно избитую детерминистами всех пошибов, — а выражение тех противоречивых условий, в которых поставлена была русская жизнь последней трети XIX века». Эти противоречия отражают крестьянский протест «против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порождён патриархальной деревней. Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества... Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России». Крестьяне пореформенного периода «накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости... смести до основания и казённую церковь, и помещиков, и помещичье правительство... создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян... идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлечённому «христианскому анархизму». Но крестьянство не знало, как осуществить свои стремления. «Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала “ходоков”, — совсем в духе Льва Николаича Толстого!» «Толстой отразил... созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости». Но, заключает Ленин, «под молотом столыпинских уроков, при неуклонной, выдержанной агитации революционных социал-демократов, не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закалённых борцов, все менее способных впадать в наш исторический грех толстовщины!»

На смерть Толстого Ленин откликнулся ещё одной статьёй. «Либералы, — писал он, — выдвигают на первый план, что Толстой — “великая совесть”. Разве это не пустая фраза?.. Разве это не обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены?*»

Но уже через месяц, 31 декабря 1910 года, Ленин с радостью отметил, что «Смерть Толстого вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок».

«Что студентов начали бить, это, по-моему, утешительно, а Толстому ни “пассивизма”, ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя», — писал Ленин Горькому 3 января 1911 года*. Он не мог «спустить» Толстому того, что у Толстого были свои принципы, а не ленинские, и в статье, напечатанной 22 января 1911 года, возобновляет баталию: «Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвёртывается от мысли о том, что “укладывается” в России никакой иной, как буржуазный строй». Ленин не хотел видеть, что для Толстого важен был не буржуазный строй и не пролетарский строй, а важно было их содержание, их отношение к человеку. Политические формы для него, в отличие от Ленина, роли не играли, так как он, опять-таки в отличие от Ленина, придавал значение лишь их социальному содержанию. Буржуазный строй, быть может, хуже небуржуазного, пролетарский строй, быть может, лучше, — но только если он ведёт к нравственному усовершенствованию человека. Материалист Ленин в этих соображениях никакой материи (в обоих смыслах) не видел: «...в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его “непротивленства”, его апелляций к “Духу”, его призывов к “нравственному самоусовершенствованию”, его доктрины “совести” и всеобщей “любви”, его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и глубокий вред»**.

И Толстой, и Ленин были детьми России XIX века, но разногласия между ними непримиримы.

Из русских литераторов на Ленина больше всего повлияли не поэты и не прозаики, а публицисты и литературные критики: Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов и, в меньшей степени, Писарев, а также сатирик Салтыков-Щедрин. Ближе всего Ленин был к Чернышевскому, который, подобно Белинскому и Добролюбову, считал, что литература должна служить общественной цели, и отрицал «искусство для искусства». У Ленина такое отношение к искусству было в крови еще задолго до большевистской революции.

* Ленин В. И. Собр. соч. 2-е изд. Т. 15. М.-Л.: Гос. изд., 1929. С. 58.

** Там же. С. 100–103.

Среди этих литературных критиков не было марксистов. Их мятеж был направлен против отсталости, жестокости и глупости самодержавия. Знаменитый «Колокол» Герцена, два раза в месяц выходивший в Лондоне, нелегально распространялся в России тысячами экземпляров и попадал на письменные столы министров, сенаторов, генералов, великих князей и самого императора Александра Второго*. Но духовная неграмотность людей, вершивших судьбами Святой Руси, мешала им увидеть знамения времени, о которых черным по белому свидетельствовал журнал Герцена. Вожди отсталых стран бывают объята тем же сном, что их подданные, но не подозревают, что народу в долгую ночь снится насилие, война, гроза. (8 мая 1912 года Ленин сам предупреждал монархию: «Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах». Сказал он это в статье, посвящённой памяти Герцена.)

«Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века, — писал Ленин в этой статье. — Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картёжных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними, — писал Герцен, — развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованые из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рождённых в среде палачества и раболепия».

«К числу таких детей принадлежал Герцен», — комментирует Ленин.

В 1848 году, пишет Ленин, Герцен был «демократом, революционером, социалистом». «Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848-го года был крахом буржуазных иллюзий в социализме». С Бакуниным, впрочем, Герцен порвал только в 1869 году, за год до своей смерти. Он верил в будущее сельской общины, хотя и видел, что крестьянин изолирован в своей маленькой общине и что расстояния между деревнями в огромной России лишают его контакта с соплеменниками**.

В той же статье Ленин отдал должное Герцену за то, что он осудил усмирителей Польши, «палачей, вешателей Александра II»,

* Encyclopedia of Russia and the Soviet Union. Editor, Michael T. Florinsky. New York, 1961. P. 213–214.

** Герцен А. И. Движение общественной мысли в России. М.: Типогр. Т-ва И. Д. Сытина, 1907. С. 181.

в то время как большая часть русских либералов, друзей Герцена, в том числе и Тургенев, «отхлынула от Герцена за защиту Польши». «Герцен спас честь русской демократии», — пишет Ленин, и в следующем абзаце отмечает с одобрением: «Когда получилось известие, что крепостной крестьянин убил помещика за покушение на честь невесты, Герцен добавлял в «Колоколе»: «И превосходно сделал!»

В Герцене Ленин видел представителя первой стадии русской революции. «Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Её подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями “Народной воли”. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. “Молодые штурманы будущей бури” — звал их Герцен. Но это не была ещё сама буря. Буря, это — движение самих масс. Пролетариат...»*.

Ленин родился в тот год, когда умер Герцен. Когда умер Чернышевский, Ленину было 19 лет. Чернышевскому Ленин обязан своими политическими и эстетическими взглядами в гораздо большей степени, чем Герцену. Как стилист, Герцен, конечно, был неизмеримо выше Чернышевского. Но Ленина это мало интересовало. Чернышевский был «более последовательным материалистом», он проповедовал социализм, правда — социализм без Маркса, но все-таки социализм. Тюремное заключение (царские власти всегда приходили на помощь слишком занятым революционерам) дало Чернышевскому возможность на досуге сочинить посредственный роман «Что делать». Это название Ленин позаимствовал, чтобы озаглавить им свою известную брошюру об организационных вопросах, «...к базаровскому естествознанию, самоусовершенствованию и нигилизму более политически настроенный герой романа Чернышевского прибавил туманную перспективу социалистической утопии и революционной деятельности социалистической утопии и революционной деятельности»**. Утопию Ленин просмотрел, потому что слишком был занят деятельностью. «Чернышевский, — писал Ленин в марте 1911 года, — был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину... Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические

* Ленин В. И. Собр. соч. 2-е изд. Т. 15. С. 464–469.

** Fischer George. Russian Liberalism. Cambridge, Mass., 1958. P. 50.

события его эпохи в революционном духе, проводя... идею борьбы масс за свержение всех старых властей». Это Ленину приходилось по сердцу, как и характеристика России в «Прологе» Чернышевского: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы»*. «От его сочинений веет духом классовой борьбы», — похваливал Ленин**. Вдобавок Чернышевский критиковал Канта за «метафизическую теорию о субъективности нашего знания», т. е. «отбросил жалкий вздор махистов и прочих путаников», — лучшего комплимента Ленин не знал. На полях книги Плеханова о Чернышевском, там, где Плеханов пишет об «идеализме» и «зачатках материалистического понимания» у Чернышевского, Ленин в 1911 году отметил: «Из-за *теоретического* различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов *просмотрел* практически-политическое и *классовое* различие либерала и демократа». Чернышевский, по терминологии Ленина, был демократом, а Ленин, как всегда, отводил теории второстепенное место, а первостепенное — практической политике классовой борьбы. Чернышевскому он прощал философские срывы за революционное настроение. Крупская сообщает, что в альбоме у Ленина было целых две фотографии Чернышевского. Она много пишет о влиянии Чернышевского на Ленина и о том что Чернышевский помог Ленину стать марксистом***. Н. Валентинов (Вольский) описывает разговор с Лениным в женевском кафе в 1904 году, в присутствии ещё двух товарищей. В ответ на презрительное замечание Валентинова о Чернышевском, Ленин «взметнулся с такой стремительностью, что под ним стул заскрипел. — Отдаёте ли вы себе отчёт, что говорите? — бросил он мне. — Как в голову может прийти чудовищная, нелепая мысль называть примитивным, бездарным произведение Чернышевского, самого большого и талантливое представителя социализма до Маркса?.. Под его влиянием сотни людей делались революционерами... Он, например, увлёк моего брата, он увлёк и меня...»****.

Вероятно, Чернышевский отнёсся бы к Пролеткульту точно так же, как Ленин, ибо эта организация была махистской, субъ-

* Ленин цитирует эти слова, см.: *Ленин В. И. Сочинения. 2-е изд. Т. 18. С. 81.*

** *Ленин В. И. Сочинения. 2-е изд. Т. 17. М.-Л.: Гос. изд., 1929. С. 342.*

*** *Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине [Вып. 1]. М.: Гос. изд. тип. «Красный пролетарий», 1931. С. 180–186.*

**** *Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Изд-во имени А. П. Чехова, 1953. С. 102–103. Несмотря на то, что автор — известный меньшевик, этот отрывок перепечатан в сб. «Ленин о литературе и искусстве». С. 649.*

ективистской, индивидуалистической, идеалистической и к тому же основывалась на ожидании, что «сверхчеловеки» и простые смертные создадут пролетарскую по характеру национальную культуру в стране с непролетарским большинством населения и с некультурным пролетариатом. Пролеткульт все-таки просуществовал до 1923 года, незадолго до ухода Ленина со сцены. Хотя Ленин был беспощаден к политическим врагам, в области культурной он проявлял известную терпимость к «заблуждающимся» и не видел смысла в физическом истреблении их, а предпочитал сокращать тиражи их книг и т. п. Сравнительно культурная среда, из которой вышел Ленин, его воспитание и происхождение, отличали его от рабоче-крестьянских пастырей и низколобых горцев, что касается воззрений на культуру и искусство. Но и он непоколебимо верил в цензуру и контроль свыше, 13 сентября 1921 года он предложил послушному Политбюро «из числа книг, пускаемых в свободную продажу в Москве, изъять порнографию и книги духовного содержания, отдав их в *Главбум* на бумагу», а «иностранные книги (романы) разрешить продавать свободно». Последний пункт, впрочем, был Лениным зачеркнут и в постановление Политбюро не вошёл. Несмотря на ряд строгих постановлений, железного занавеса ещё не существовало, и сотни лучших писателей, художников (напр. Кандинский и Шагал), музыкантов и учёных могли эмигрировать на Запад, не выдержав физических и моральных мучений, которые принесла большевистская власть. Горький, Троцкий и Луначарский нередко напоминали Ленину, что большевикам не следует усугублять хозяйственную разруху культурной анемией.

Искусство нуждается в удобствах, даже в роскоши, писал Троцкий в предисловии к «Литературе и революции». Но удобств после трёх с половиной лет военного коммунизма не могло быть. Известный литературовед, писатель и журналист Виктор Шкловский так описывал зиму 1920 года в Петрограде: «Я сжёг свою мебель, скульптурный станок, книжные полки и книги, книги без числа и меры. Если бы у меня были деревянные руки и ноги, я топил бы ими и оказался бы к весне без конечностей... Все собрались в кухне, в оставленных комнатах развелись сталактиты... Полярный круг стал реальностью и проходил где-то около Невского»*.

Ленин ненавидел футуризм, но Троцкий, хоть и не считал футуристов революционерами, писал, что они способствуют созданию нового искусства в большей степени, чем представители иных течений. Троцкий сожалел (без особых оснований, между прочим),

* Шкловский В. *Ход коня*. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 23–25.

что годы революции стали «годами почти полного поэтического молчания». В «Литературе и революции» он высказал мнение, свое и Радека, что психоанализ Фрейда, быть может, не противоречит материализму Маркса. Политический раскольник Троцкий тогда все ещё был в числе власть имущих и к словам его прислушались. (В его книге о литературе упоминается Маркс, Энгельс и Аристотель, но отнюдь не Ленин. По-видимому, он считал, что Ленин ничего существенного в этой области не сказал.)

У Горького тоже были свои взгляды на искусство и на [взаимоотношения между революцией и интеллигенцией, в частности — художественной интеллигенцией. Ленин относился к Горькому с трогательным уважением, но редко удовлетворял его просьбы, когда они касались гражданских прав. Луначарский вспоминает, что Горький однажды в его присутствии пожаловался Ленину на аресты и обыски среди петроградской интеллигенции. «У тех самых, — сказал писатель, — которые когда-то всем нам — вашим товарищам, и даже вам лично, Владимир Ильич, оказывали услуги, прятали нас в своих квартирах и т. д.»

Ленин, усмехнувшись, ответил: «Да, славные, добрые люди, но именно потому-то и надо делать у них обыски. Именно потому приходится иной раз, скрепя сердце, арестовывать их. Ведь они славные и добрые, ведь их сочувствие всегда с угнетенными, ведь они всегда против преследований. А что сейчас они видят перед собой? Преследователи — это наша ЧК, угнетённые — это кадеты и эсеры, которые от нее бегают. Очевидно, долг, как они его понимают, предписывает им стать их союзниками против нас. А нам надо активных контрреволюционеров ловить и обезвреживать. Остальное ясно». «И Владимир Ильич рассмеялся совершенно беззлобным смехом», — умилённо припоминает Луначарский*.

В 1921 году Горький принёс Ленину пачку книг, изданных им совместно с Гржебиным в Берлине при содействии советского правительства. Ленин перелистал книги, одобрил книгу о паровозах, потом взял в руки сборник древнеиндийских сказок. «Помоему, — сказал он, — это преждевременно».

«Это очень хорошие сказки», — ответил Горький.

«На это тратятся деньги», — заметил Ленин.

Горький возразил: «Это же очень дешево».

«Да, но это мы платим золотой валютой. В этом году у нас будет голод».

Описывающий этот разговор А. К. Воронский, первый редактор советского литературного журнала «Красная новь», замечает:

* В. И. Ленин о литературе и искусстве. С. 670–671.

«Мне показалось тогда, что столкнулись две правды: один как бы говорил: «Не о хлебе едином жив будет человек», другой отвечал: «А если нет хлеба...»*.

Через несколько недель после описанного разговора Горький был вынужден просить у американских благотворителей хлеба для миллионов голодающих России.

* Там же. С. 685–686.